
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЮЛИЯ БЕРИНГ
ИЗМЕНА МУЖА
Ты обьявил меня преступницей,
но твой враг встал на мою сторону!

Марина Ветрова
Юлия Беринг

Измена мужа. Ты объявил меня преступницей, но твой враг встал на мою сторону!

https://litres.ru/74716657
SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж — влиятельный депутат, коллекционер и человек, которого боятся все. Для окружающих я его счастливая жена. На самом деле Глеб украл мои картины, стёр воспоминания и превратил мою жизнь в клетку.

Когда я нахожу следы исчезновения его первой жены, он объявляет меня преступницей и начинает охоту.

Единственный, кто способен противостоять Глебу, — опасный и властный Марк. Но можно ли доверять человеку, который сначала считает меня лишь инструментом?

Чтобы вернуть своё имя, разоблачить мужа и найти сына, которого у меня отняли, придётся вспомнить самое страшное.

И выбрать любовь, в которой больше никто не вправе мной распоряжаться. Даже ради моего спасения.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 26
Глава 5 33
Глава 6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Марина Ветрова, Юлия Беринг
Измена мужа. Ты объявил меня преступницей, но твой враг встал на мою сторону!

Глава 1

Растворитель пахнет горьким миндалем и старой пылью. Я люблю этот запах. Он честный, в отличие от ароматов духов Глеба — тех, что он покупает мне «для настроения», хотя настроение у меня одно: не дышать лишний раз, чтобы не спровоцировать его на лекцию о том, как я должна себя вести.

Передо мной лежала картина. Позолоченная рама, массивная, тяжелая, будто вырезанная из цельного куска дерева. Глеб притащил её вчера вечером с какого-то закрытого аукциона для «благородных лиц». Сказал, это подарок нам на годовщину. Нам. Как будто мы единый организм, а не два человека, спящие в разных комнатах по разным причинам.

Провела подушечками пальцев вдоль кромки холста, там,

где живописи уже не было. Обычно здесь чувствовались узлы старой ткани, неровности грунта. Под лупой их легко пропустить; пальцами — нет.

И тут внутри всё похолодело.

Ткань была слишком гладкой. Слишком новой. А под позолотой рамки, там, где стык дерева и металла, я уловила едва заметную липкость свежего лака. Это было странно. Глеб коллекционировал старину. Но эта «старина» пахла свежей краской и деньгами.

Я замерла. Профессиональный нюх кричал: подделка. Или, что хуже, реставрация настолько грубая, что она убивает оригинал. Если я скажу об этом вслух, Глеб обидится. Он считает себя экспертом, хотя единственный экспонат, который он действительно знает досконально, — это собственное отражение в зеркале. Его эгоизм требует восхищения, а не фактов. Для него искусство — это не душа, это валюта власти. И если вещь не стоит своих денег, он чувствует себя обманутым не как ценитель, а как инвестор.

Взяла тонкий скальпель и начала снимать верхний слой позолоты в углу. Лезвие слушалось. После целого дня, когда даже громкость телевизора выбирал Глеб, я наконец делала то, в чём разбиралась лучше него. Под лупой у края живописи мелькнули латинские инициалы. Я отложила лупу, не успев их проверить. Может, я просто устала? Может, руки дрожат? Мне нужно было подтверждение подлинности, чтобы снова почувствовать твердую почву под ногами. Чтобы

снова стать женой депутата, а не женщиной, которая прячется в своей мастерской, как в бункере.

Скрежет металла о дерево был тихим, интимным. Звук вскрытия тайны.

Дверь распахнулась без стука.

— Алиса! — голос Глеба прогремел так, что я вздрогнула, чуть не порезав палец. — Ты здесь?

Он вошел, даже не посмотрев, занята ли я. В руках он держал бокал коньяка, янтарная жидкость плескалась, предвещая грозу. Глеб всегда входил в мои пространства так, будто они были частью его кабинета. Моя тишина для него — пустота, которую нужно заполнить его голосом.

— Привет, — я натянула дежурную улыбку, быстро спрятав руки за спину, сжимая скальпель так сильно, что костяшки побелели. Пальцы немели. — Я как раз оценивала состояние...

— Оценивай быстрее, — он перебил меня, подходя ближе. Запах дорогого табака ударил в нос, смешиваясь с запахом растворителя. Тошнотворно. — Это шедевр. Мой лучший трофей за год. Знаешь, сколько он стоил?

Глеб положил руку мне на плечо. Тяжелую. Влажную от пота или алкоголя. Это не было объятием. Это было клеймо. Жест собственника, проверяющего целостность товара. Я напряглась, мышцы спины окаменели, но не отстранилась. Отстранение — это конфликт. Конфликт — это наказание. Наказание может быть любым: от холодного молчания до по-

тери доступа к кредитной карте.

— Красивая рама, — прошептала я, глядя на свои ноги в домашних тапочках.

— Рама вторична, — Глеб обошел меня и посмотрел на картину. Его глаза блестели хищным блеском, который я видела на фотографиях в новостях, когда он выступал в думе. — Холст первичен. Смотри, Алиса. Видишь эту тень? Это символ нашей чистоты. Мы выше суеты. Мы храним историю.

Он говорил красиво. Гладко. Как лектор на кафедре философии, только вместо студентов — послушная жена.

Я рискнула. Тихо, почти неуверенно спросила:

— А откуда именно она пришла? Есть документы о провенансе? Я хочу сделать страховую оценку, вдруг что-то случится при транспортировке...

Тишина повисла плотная, как ватное одеяло. Глеб медленно повернулся ко мне. Улыбка исчезла. Лицо стало каменным, плоским, будто кто-то стер все эмоции ластиком.

— Недоверие? — его голос упал на октаву ниже, став бархатным и опасным. — Ты сомневаешься в моей честности? В моем вкусе? Это профессиональная ревность, Алиса. Тебе завидно, что ты не можешь купить такое. Что тебе нужно разбирать, чтобы понять ценность.

Удар был точным. В самое больное место моего самолюбия реставратора. Я открыла рот, чтобы возразить, что это рутина, но слова застряли в горле. Он прав. Я не могу купить.

Я могу только чинить то, что сломали другие.

В этот момент в кармане его пиджака, висевшего на спинке стула, вибрировал телефон. Из кармана выглядывал край светящегося экрана. Имя: «В.»

Вероника. Его пиар-менеджер. Его бывшая любовница. Его правая рука.

Глеб не взглянул на экран. Но его плечи напряглись, а челюсть сжалась так, что желваки ходили ходуном. Он игнорировал звонок, делая вид, что я не существую, пока он не закончит свою маленькую игру в контроль.

Я отвела взгляд, чувствуя, как внутри холодеет кровь. Она звонит. Сейчас. Пока он стоит со мной. Пока я делаю вид, что верю в нашу «чистоту».

Снова потянулась к картине. Под лупой остались непроверенные инициалы. Хотелось разобрать хотя бы одну букву — получить что-то точнее, чем его насмешка и моя догадка. Скальпель снова коснулся слоя позолоты.

Бззз. Бззз. Телефон продолжал вибрировать, настойчиво, как назойливая муха.

Глеб резко развернулся. Его рука метнулась быстрее, чем я успела моргнуть. Он выхватил скальпель из моих пальцев. Металлическая головка щелкнула, зацепившись за край стола.

— Ты портишь вещь своим любопытством, — прорычал он. В его глазах не было гнева. Была брезгливость. Будто я была насекомым, ползающим по его дорогому костюму. —

Отдай. Руки трясутся. Ты устала. Иди отдыхай.

Я стояла с пустыми руками, ощущая фантомную боль от потери инструмента. Это был мой голос. Без скальпеля я немая.

Глеб схватил картину вместе с рамой. Дернул ее на себя, задев мольберт; его ножки жалобно заскрипели по паркету.

— Куда ты? — спросила я, и мой голос сорвался на визг. — Мне нужно завершить экспертизу для страховки! Это моя работа!

— Работа подождет, — он уже шел к двери кабинета, держа холст перед собой, как щит. — Доверяй мне, Алиса. Я лучше знаю цену вещам. И людям.

Он захлопнул дверь. Замок щелкнул. Громко. Финально.

Я осталась одна в мастерской. Тишина давила на уши. Я подошла к столу, где он небрежно бросил накладную, которую вытащил из кармана пиджака, когда забирал картину. Бумага была мятая, с влажными пятнами от коньяка.

Дата покупки: 14 октября.

Год стерт чернилами, но я знала, какой это был год. Три года назад.

Я включила компьютер. Руки все еще дрожали, но теперь от злости. Я вбила данные в базу данных аукционов. Искала любые следы этой работы. Любые упоминания имени художника, указанного в паспорте изделия.

Ничего.

Пустота.

Картина не продавалась легально последние десять лет. Она была «вне рынка». Серый товар. Контрабанда. Или краденое.

Гордость реставратора была унижена, но разум работал четко. Глеб не мог просто так купить картину, которой не существует. Он должен был знать источник. Источник всегда оставляет след.

Перенесла пиджак со стула в гостиную и повесила у входа. Он забыл его. Или оставил специально, чтобы проверить, буду ли я рыться в его вещах? Проверка на лояльность?

Я подошла к вешалке. Сердце колотилось в горле, как пойманная птица. Это нарушение границ. Это война. Но я уже была в ней, просто не знала правил.

Я залезла во внутренний карман. Пальцы наткнулись на холодный металл ключа от сейфа. И на бумагу.

Зажала ключ в ладони и вытянула свернутый в трубочку листок. Развернула.

Это была фотография. Старая, выцветшая, с загнутыми уголками. На ней молодая женщина. Светлые волосы собраны в небрежный пучок, глаза смотрят прямо в объектив с вызовом и страхом одновременно.

Елена Орлова. Первая жена Глеба. Та, которая «ушла жить в Европу» три года назад. Та, о которой он никогда не говорил, потому что «прошлое мертво».

Я перевернула фото. На обороте, синей шариковой ручкой, корявым почерком была написана дата.

14 октября.

Та же дата, что и в накладной на картину.

Холод пробежал по позвоночнику, собираясь в комок в животе. Это не совпадение. Совпадений не бывает в мире Глеба Орлова. Там всё выстроено, просчитано и замуровано в бетон.

Я подняла глаза на фотографию. Пригляделась к лицу Елены. К линии подбородка. К форме носа.

Казалось бы, ничего общего со мной. Я темноволосая, кареглазая, приземистая. Елена — высокая, хрупкая, золотоволосая.

Но я помнила другой рисунок. Из своего рабочего архива, который я потеряла три года назад после того самого «несчастного случая» на лестнице. После которого Глеб возил меня к частному гипнологу, говоря, что это поможет восстановить память и убрать травму.

«Ты будешь спокойнее, Алиса. Ты забудешь те ужасы, которые видела», — говорил он тогда, гладя меня по голове, как собачку.

Я вспомнила свой псевдоним. Тот, которым подписывала курсовые работы, которые никто не видел. Тот, который я придумала в порыве подросткового максимализма.

А. Верес.

И подпись на картине, которую я видела только сейчас, через увеличительное стекло, прежде чем он забрал её.

Не имя художника-классика.

Инициалы.

A.V.

Неужели это моя работа? Инициалы совпадали, но я так и не разобрала их под лупой. После больницы Глеб уверял, что весь мой архив сгорел. Почему тогда он прячет от меня этот холст?

Он контролировал не только мое настоящее. Он контролировал мое прошлое. Он хранил доказательство того, что я была рядом, когда Елена исчезла. Шантажировал не деньгами. Шантажировал моими собственными воспоминаниями, которых у меня больше не было.

Тошнота подкатила к горлу. Прижала фотографию к столу, чтобы не уронить. Глеб знал, что я видела в тот вечер, а я могла вспомнить лишь его голос после больницы. Он жил рядом со свидетелем и каждый день уверял её, что помнить нечего.

Глава 2

Вернулась в мастерскую, всё ещё разглядывая фотографию. В дверь тихо постучали.

Ритмично. Два коротких удара, один длинный. Код.

Это не Глеб. Глеб стучит кулаком, требовательно, громко.

Я замерла, сжимая в руке фотографию Елены. Ключ от сейфа впивался в ладонь, оставляя белую полоску на коже.

Дверь мастерской медленно приоткрылась. В щель пробился свет из коридора, но лица за дверью видно не было. Только силуэт. Высокий, широкий в плечах, неподвижный, как скала.

— Алиса Ветрова? — голос был низким, хриплым, отработанным до металлического блеска. Ни капли тепла. Ни капли угрозы. Просто констатация факта.

Я не ответила. Не могла. Воздух вышел из легких.

Силуэт шагнул внутрь, закрывая за собой дверь. Щелчок замка прозвучал так же громко, как выстрел. В руках у незнакомца была картина, которую Глеб запер у себя.

Незнакомец поставил картину на стол, приложил палец к губам и исчез так же тихо, как вошел. Я потянулась за растворителем, но задела баночку локтем. Она упала со стола и лопнула с тихим, предательским хрустом.

Звук был негромким — всего лишь треск тонкого стекла по ламинату, — но в тишине моей мастерской он прозву-

чал как выстрел. Я замерла, прижавшись спиной к холодному боку мольберта. Пальцы, привыкшие держать скальпель с точностью хирурга, сейчас дрожали так, что я едва удерживала остатки растворителя на салфетке. Капля упала на пол, оставив темное пятно, пахнущее ацетоном и страхом.

За дверью гостиной раздался глухой удар. Потом еще один. Кулак Глеба бил по дереву не с яростью, а с нетерпеливой скукой человека, который знает, что его ждут.

— Алиса, — его голос просочился сквозь щель под дверью, низкий, бархатный, отравленный сладостью. — Открой. Мне нужно это увидеть. Прямо сейчас.

Он чувствовал фальшь моего молчания. Он всегда чувствовал, когда я врала, даже если слова были правдивыми. Для него ложь была запахом, который перебивает дорогой парфюм. А я пахла страхом и химией.

Я не ответила. Вместо этого я развернулась к столу. Рама лежала там, тяжелая, золотая, обманчивая. Подарок на нашу пятую годовщину. «Редкость, которая заслуживает достойных рук», — сказал он тогда, улыбаясь своей идеальной улыбкой стоматолога. Но мои руки, реставратора с десятилетним стажем, кричали: здесь что-то не так. Вес неверный. Патина слишком равномерная. Позолота лежит слоем, который можно снять за двадцать минут, если знать, где начать.

Глеб начал крутить ручку двери. Я успела повернуть замок после ухода незнакомца, но за деревом уже звякнули ключи. Запасной Глеб забрал неделю назад под предлогом

«безопасности». Черт.

Дверь скрипнула. Я лихорадочно схватила стул и толкнула его ногой так, чтобы спинка легла поперек стола, создавая визуальный барьер между входом и рамой. Инструменты — запасной скальпель, ватные палочки, флакончики — я смахнула в ящик комода. Скальпель стукнулся о стенку; я придержала его ладонью, заглушая звон, затем захлопнула ящик и повернулась к двери. Только бы Глеб не заметил мокрую салфетку среди инструментов.

В комнату вошел Глеб.

Он выглядел безупречно. Темный костюм, белоснежная рубашка, галстук цвета глубокого моря. Даже дома он одевался так, будто собирался давать интервью или подписывать закон о запрете искусства для бедных. Его взгляд скользнул по комнате, остановился на мне. Он не смотрел на мольберт. Он смотрел на меня. На пот, выступивший на висках. На расширенные зрачки.

— Почему ты работаешь ночью? — спросил он мягко. Слишком мягко. Как врач, спрашивающий пациента о симптомах.

— Срочный заказ, Глеб. Третьяковская галерея... — мой голос звучал чужим, монотонным. Я научилась говорить так, чтобы он засыпал посреди предложения. Гипноз спокойствием. Внутри же меня все кричало, требуя бежать, ломать окна, рвать этот чертов холст на нитки.

Он подошел ближе. Шаг. Второй. Его тень накрыла меня

целиком. Я почувствовала запах его одеколона — сандал и дорогое дерево — и тошнотворную смесь ацетона, исходящую от моих волос. Он наклонился, вдыхая воздух рядом с моим лицом, проверяя мою ложь на вкус.

Его близость вызвала физическую реакцию отвращения. Меня замутило. Но я не отшатнулась. Не смела. Если бы я отступила, он бы понял, что я прячусь. А я не пряталась. Я ждала.

Глеб перевел взгляд на стол. Там, за спинкой стула, виднелся угол рамы. Золото поблескивало в свете настольной лампы, но теперь оно казалось мне грязным.

— Ты оставила ее не там, где она была, — констатировал он. Не вопрос. Утверждение. Он протянул руку, чтобы взять раму. Просто взять и уйти, оставить меня одну с моими тайнами, которые он считал пустяками.

Если он заберет предмет сейчас, улика исчезнет навсегда. А вместе с ней умрет возможность понять, почему первая жена Глеба, Елена, исчезла три года назад. И почему Глеб купил эту картину именно в день её пропажи.

На краю стола стоял стакан с водой. Я подвинула локоть к нему и резко толкнула. Стакан качнулся, опрокинулся, и вода хлынула на столешницу, смешиваясь с каплями растворителя.

— Не трогай! — крикнула я.

Глеб отдернул руку, брезгливо морщась. Брызги попали ему на манжету. Его эго было ранено больше, чем его инте-

рес к картине. Он посмотрел на мокрый стол, потом на меня. В его глазах мелькнуло презрение. Не страх. Презрение к неряшливости жены.

— Ты беспечна, Алиса, — процедил он сквозь зубы. — Верни это в порядок. Через час я вернусь. Хочу видеть результат — без воды и без оправданий.

Он вышел, хлопнув дверью так, что со стены сорвалась моя любимая акварель.

У меня был ровно один час.

Шестьдесят минут на то, чтобы сделать невозможное. Страх сковывал мышцы, мысли путались, превращаясь в кашу из «может быть» и «что если». Может, лучше сдать всё? Может, это просто ошибка? Может, Глеб действительно просто коллекционер, а я параноик, который видит убийства там, где есть только налоги?

Я посмотрела на свои руки. Чистые. Точные. Сильные. Эти руки спасали шедевры вековой давности, снимая слои грязи, времени и человеческой небрежности. Они справятся и с этой грязью. Справятся с ним.

Я включила вытяжку. Шум мотора заглушил биение сердца. Запах ацетона стал терпимым, рабочим. Я вернулась к столу, вытерла воду тряпкой и достала запасной скальпель из ящика.

Позолота в углу рамы снималась легко. Слишком легко. Под ней проступал тусклый, сероватый грунт. Грунтовка, сделанная грубо, с пузырьками воздуха. Это не оригинал

XVIII века. Это подделка. Качественная, дорогая, но подделка.

Перешла к самому холсту, осторожно снимая покрытие у края. Второй слой краски. Третий. Пигмент крошился под пальцами, открывая нижние пласты. Мое дыхание учащалось, но руки оставались спокойными. Профессионализм — это маска, которую я надеваю, когда реальность становится невыносимой.

Когда я сняла последний слой лака, проступило изображение. Не пейзаж. Не портрет. Текст.

Рукописный текст. Чернила выцвели, став бурыми, но читаемыми. И подпись.

Но это была не подпись художника. Это была дата. 14 октября 2021 года. День, когда Елена Орлова перестала выходить на связь.

А ниже, крупными буквами, написанными другим почерком, более уверенным и циничным, стояли инициалы: В.С.

Вероника Славская. PR-менеджер Глеба. Его бывшая любовница. Женщина, которая улыбается с обложек журналов, рассказывая о «благородстве души» своего патрона.

Сердце пропустило удар. Картина не была украдена. Она была создана специально. Фальшивка внутри фальшивки. Глеб подарил мне вещдок собственной вины? Или кто-то другой подложил это, рассчитывая, что я, реставратор, найду это первым?

Тело Глеба было инструментом. А кто держал рукоять?

Дрожащей рукой я перевернула холст. На обороте, под слоем защитного лака, который я уже начала аккуратно снимать ватным диском, смоченным спиртом, проступили новые очертания.

Не старинная маркировка музея. Не аукционный номер.

Свежая запись. Маркером. Жирный, черный штрих, который еще пах краской, потому что лак над ним был новым, нанесенным совсем недавно. Возможно, сегодня утром, пока я спала.

Я стерла излишки лака и прочитала.

«Если ты читаешь это, Алиса, значит, Глеб уже потерял контроль. Беги. М.»

Инициалы. М.

Дорн, начальник охраны Глеба? На приёмах я видела его издалека. Или это другое «М»? Кто знал, что я буду вскрывать раму сегодня? Кто знал, что Глеб оставит ключи? Кто мог написать это на холсте, который находился в доме Глеба, под охраной?

Запах ацетона вдруг показался мне тошнотворным. В горле встал ком. Я отбросила диск. Спирт испарялся с кожи, оставляя холодные пятна.

Кто-то наблюдал за нами давно. И этот кто-то хотел помочь. Или хотел использовать меня.

Глеб говорил, что искусство очищает душу. Но эта картина пахла кровью. И чужой игрой, в которой я только что сделала первый ход.

Глава 3

В дверь снова постучали. Три коротких удара. Ритмичных. Не Глеб. Глеб стучал кулаком, с размаху, требовательно. Этот стук был тихим, почти неуслышимым, но он проникал сквозь стену, сквозь время, сквозь мою защиту.

Я посмотрела на часы. Прошло пятьдесят минут. Глеб должен вернуться через десять.

Стук повторился у входа и стих.

Я медленно повернула голову к окну. За стеклом, в темноте двора внизу стояла фигура. Высокая. Неподвижная. Человек в длинном пальто, который не двигался, хотя ветер шевелил ветки деревьев.

Это был не призрак. Это был человек.

И он смотрел прямо на меня.

Я схватила телефон, но экран показывал «Нет сети». Глеб заглушал сигнал в квартире. «Для безопасности», конечно же.

Фигура за окном подняла руку. Не приветственно. Она показала жест. Два пальца, направленные вниз.

Беги.

Я вспомнила надпись на холсте. Беги.

В замочной скважине входной двери повернулся ключ.

— Алиса? — голос Глеба был уже за дверью. Спокойный. Победоносный. — Я вернулся. Надеюсь, ты успела привести

себя в чувство.

Я высвободила края холста из креплений. Не раму — само полотно свернула в трубку и схватила. Он влажный, тяжелый, пахнущий истиной и опасностью. Я прижала сверток к ребрам и взяла со стула куртку. Холст мешал просунуть руку в рукав; я торопилась, придерживая его подбородком.

Окно. Оно было закрыто, но защелка была старой, деревянной. Я метнулась к нему, дрожащими руками откручивая винты. Глеб вошел в комнату.

— Что ты делаешь? — его тон изменился. Исчезла бархатная мягкость. Появилась сталь.

Я не обернулась. Я знала, что если я посмотрю ему в глаза сейчас, я упаду. Я выбила стекло. Осколки посыпались на карниз, звеня, как осколки моей прежней жизни. Холодный воздух ударил в лицо, пахнущий дождем и бензином.

— Алиса! — крик Глеба был не вопросом. Это была команда, которая пришла слишком поздно.

Натянув куртку поверх свертка, я вылезла наружу. Куртка зацепилась за гвоздь, ткань затрещала. Боль пронзила плечо, но я не остановилась. Я соскользнула по водосточной трубе, чувствуя, как металл впивается в ладони. Кровь. Тепло. Жизнь.

На земле меня ждали. Не полиция. Не скорая.

Человек в пальто поймал меня за талию, прежде чем я успела упасть. Его руки были сильными, как тиски, и пахли кожей и порохом. Он поставил меня на ноги, не выпуская.

— Быстро, — произнес он низким, хриплым голосом. — Пока он не спустился.

Я посмотрела вверх. В окне второго этажа, в круге света, стоял силуэт Глеба. Он смотрел вниз. На меня. На этого человека.

Его лицо было искажено яростью. Не удивлением. Яростью собственника, у которого украли лучшую игрушку.

Марк Дорн (я была уверена, что это он) повел меня к машине, которая стояла в тени гаражей. Двигатель уже работал, тихо урча, как зверь перед прыжком.

— Куда мы едем? — спросила я, садясь на заднее сиденье. Голос дрожал, но внутри, вместо страха, нарастало странное, холодное спокойствие.

Марк захлопнул дверь. Щелчок замков прозвучал как приговор.

— Туда, где тебя не найдут, — ответил он, не глядя на меня. Он смотрел в зеркало заднего вида, следя за окном нашего дома. — И туда, где ты сможешь понять, кто такой твой муж на самом деле.

Машина тронулась. Москва поплыла за окном, размывая огни в цветные полосы. Я прижала холст к груди. Он пульсировал. Или это было мое сердце?

Глеб думал, что контролирует мою память. Что он может стирать и писать заново, как на кальке. Но он забыл главное правило реставрации: под любым слоем краски всегда остается оригинал. И иногда оригинал оказывается страшнее са-

мой искусной копии.

Я закрыла глаза, чувствуя, как адреналин начинает отпускать, оставляя после себя звенящую пустоту. Мы выезжали из двора. В зеркале я видела, как свет в нашей квартире гаснет. Глеб выключил свет. Или он ушел?

Не важно.

Холст под курткой мешал дышать, но я не ослабляла хватку. В чужой машине я ещё могла спросить, куда меня везут. Дома за такой вопрос Глеб заставил бы извиняться. Сейчас я хотела услышать ответ, пусть даже он мне не понравится.

Марк включил радио. Тишина. Он повернул регулятор. Хрип помех, потом мелодия. Старый джаз. Тревожный и красивый.

— Ты сделал это ради денег? — спросила я, глядя на его профиль. Жесткая линия челюсти. Шрам, едва заметный у виска.

Марк не ответил сразу. Машина набирала скорость, вливаясь в поток ночных такси.

— Я сделал это, потому что ты единственная, кто увидел правду под слоями, — сказал он наконец. Голос был сухим, лишенным эмоций. — А они обычно смотрят только на золото.

Я усмехнулась. Горько. Но впервые за пять лет — искренне.

Мы ехали в неизвестность. И это было лучшее, что случалось со мной за долгие годы.

На рассвете пришлось вернуться. В машине на просвет обнаружилась переводная сетка: мы увезли копию, а оригинал оставался дома. Марк оставил копию в машине и ждал во дворе. Своими ключами я вошла через служебный вход. В кабинете нашла второй, старый холст на месте подарка: узнала неровную кромку. Сняла его с подрамника и унесла в спальню. Запах скипидара въелся в кожу так глубоко, что мне казалось, я пахну им из каждой поры. Я стояла посреди нашей спальни, в этом стерильном музее чужого величия, и держала в руках холст. Он был тяжелым, живым, с неровными краями, где кромка полотна уже начала отслаиваться. Подпись была видна только под ультрафиолетом, но дата — «14 октября» — проступала сквозь слой грунтовки, как синяк. День, когда исчезла первая жена Глеба. С ним сцеплялось другое воспоминание, тоже трехлетней давности: белый шум в голове, боль в затылке, и его голос, спокойный, как скальпель хирурга: «Ты просто устала, Алиса. Отдыхай».

В коридоре скрипнула половица.

Не та, что всегда поёт у входа, а другая — ближе к спальне. Сердце пропустило удар, затем забилось так яростно, что отдавало в висках. Глеб. Я рассчитывала, что он задержится в кабинете. А он уже шел сюда.

Я метнулась к кровати. Матрас был толстым, ортопедическим, дорогим подарком для моего «спокойного сна». Я сунула свернутый холст прямо под него, в складку между матрасом и основанием кровати. Пальцы дрожали, ткань шур-

шала слишком громко в наступившей тишине. Я схватила халат, набросила на плечи, пригладила волосы, делая вид, что только проснулась. Улыбка получилась кривой, но я надеялась, что в полумраке она сойдет за сонливую нежность.

Дверь распахнулась. Глеб стоял на пороге, всё ещё в пальто, пахнущем морозным воздухом и дорогим парфюмом. Его глаза, серые и пустые, прошлись по комнате, останавливаясь на мне. Он не спросил, почему я одна. Он чувствовал запах.

— Скипидар, — произнес он тихо. Не вопрос. Констатация факта.

— Я просто... заскучала, — соврала я, подходя ближе, чтобы закрыть собой пространство между ним и кроватью. — Хотела обновить одну мелочь. Для коллекции. Ты же знаешь, как я люблю детали.

Глеб не двинулся с места. Он смотрел на мои руки, которые я инстинктивно спрятала за спиной.

— Иди сюда, — приказал он.

Это не было просьбой. Это было требование животного, почувствовавшего угрозу. Я сделала шаг назад, наткнувшись коленом на край кровати. Глеб рванул вперед, минуя меня, и начал обыскивать постель. Его руки, длинные и властные, шарили по простыням, переворачивали подушки. Грубо. Жестко. Как будто искал не улику, а оправдание для того, чтобы сломать мне что-нибудь.

Глава 4

— Ты проверяешь меня, как заключенную? — мой голос сорвался, звонкий и резкий, как стекло.

Глеб замер, его пальцы уже касались твердого свертка под матрасом.

— Ты ведешь себя странно, Алиса. Ты всегда странная, когда скрываешь правду.

Я перехватила его запястье. Кожа под моими пальцами была горячей, пульс бился ровно. Он не испугался. Он усмехнулся.

— Паранойя украшает тебя меньше, чем честность, — прошипела я, используя момент, пока он удивлялся моей дерзости, чтобы коленом придавить край матраса. Сверток ушел глубже под матрас, в скомканную наволочку у стены.

Глеб выдернул руку. Его лицо исказилось от раздражения, но не от гнева. Он посмотрел на пол. Там, у окна, была свежая царапина. След того, как я двигала комод, чтобы достать инструменты. Он присел на корточки, проводя пальцем по лаку.

— Кто входил? — спросил он, не поднимая глаз.

— Никто. Я одна.

Он достал телефон. Нажал пару клавиш.

— Вероника, подними архив камер за подъездом. За последние три часа. Да, все углы. Если увидишь её с сумкой —

звони мне.

Сердце ушло в пятки. Камеры. Я забыла про камеры. Но он считал их бесполезными, потому что я никогда не выходила без разрешения. А теперь он использовал их против меня.

Пока он отвернулся, прижимая трубку к уху и споря с кем-то о времени записи, я схватила свою большую кожаную сумку реставратора. Она лежала в углу, рядом с набором ключей от служебного входа в дом, через техэтаж. Ключи были там, потому что Глеб думал, что я слишком труслива, чтобы ими воспользоваться.

Звонок в дверь разрезал тишину. Резкий, настойчивый.

Глеб повернулся, взгляд стал колючим.

— Это кто?

— Доставка! — крикнула я, стараясь придать голосу легкую панику, которую можно объяснить волнением перед его приходом. — Краски для проекта. Я заказывала заранее, чтобы сюрприз сделать к ужину!

Он хмыкнул, недоверчиво, но брезгливость взяла верх над подозрением. Курьер ждал в прихожей, за дверью. Если я открою сама, Глеб останется у кровати. Если не откроет никто — он поймет, что я лгу.

— Иди открывай, хозяин, — я улыбнулась, натягивая маску покорности. — Я тут... умываюсь после сна. Немного растрепанная.

Глеб посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом.

Секунда. Две. Три. Затем развернулся и пошел в прихожую.

Три секунды. У меня было три секунды.

Я метнулась к кровати. Сунула руку под матрас, в темноту. Пальцы нащупали жесткий край свернутого холста. Он застрял в складках наволочки, сбившейся под матрас. Я тянула сильнее, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. Шум в прихожей нарастал: голос Глеба становился резче, он спорил с курьером. Я слышала, как хлопнула дверь. Он возвращался.

Нет времени на аккуратность.

Я рванула ткань на себя. Наволочка треснула, нитки посыпались на пол. Холст выскользнул. Я сунула его в сумку, захлопнула молнию и выбежала в ванную. Заперлась. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Секунда покоя. Два.

Удар в дверь. Плечом. Дерево затрещало.

— ОТКРЫВАЙ! — голос Глеба был обезумевшим. Он понял. Он знал. — Ты украла её! Это культурное наследие! Полиция сейчас будет здесь!

Дверь ванной треснула во второй раз. Петли заскрипели.

Я не отвечала. Я посмотрела в окно. Оно выходило на пожарную лестницу соседнего корпуса. Старую, ржавую, покрытую льдом. Между окнами был промежуток в метр. Прыжок.

Если я останусь здесь, меня найдут. Картина останется здесь. Глеб получит её обратно, а я получу срок за кражу или

тихое «лечение» в закрытой клинике, откуда не выпускают.

Я распахнула окно. Морозный воздух ударил в лицо, как кулак, выбивая дыхание. Боль в легких стала мгновенной и острой. Я перебралась через подоконник, чувствуя, как ледяной ветер срывает с тела тепло. Ноги соскользнули, я цеплялась за ржавые перила, кожа на ладонях горела.

Пожарная лестница качнулась. Я начала спускаться, скользя подошвами по обледенелым ступеням. Каждый шаг был риском сломать ногу. Внизу, во дворе, стояла черная машина. Рядом с ней, под фонарем, стоял человек с зонтом.

Марк Дорн.

Он ждал там, где мы договорились. После всего, что я только что пережила наверху, его силуэт снова казался тенью, голосом на холсте, предупреждением. Но сейчас он стоял, как каменная статуя, наблюдая за моим спуском.

Я добралась до нижней площадки, задыхаясь, с разбитыми губами от холода. Марк сделал шаг навстречу, блокируя путь к воротам. Я прикрыла полы халата: куртка осталась в машине, а мороз пробирал до дрожи. Его глаза, темные и непроницаемые, изучали меня. Не с сочувствием. С интересом коллекционера, рассматривающего новый экспонат.

— Где оригинал? — спросил он. Его голос был низким, ровным, без эмоций. — Ты спрятала копию или настоящий холст?

Я сжала ремень сумки так, что костяшки пальцев побелели. Внутри лежала моя память. Моя жизнь. Доказательство

того, что я не сумасшедшая.

— Это не копия, — прошептала я, дрожа не столько от холода, сколько от осознания того, что я снова в ловушке. Только эта ловушка была другой. — Это моя память.

Марк молчал секунду. Потом отступил в сторону, освобождая проход к машине. Но его тень последовала за мной, длинная и темная, ложась на мокрый асфальт.

Я села в салон. Кожа сидений была холодной. Марк обошел машину, сел за руль, не глядя на меня. Он завел двигатель. Машина мягко тронулась с места, растворяясь в утреннем потоке Москвы.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Окна квартиры Глеба светились. Он стоял там. Не кричал. Не бегал. Он медленно улыбался. Той улыбкой, которая обычно предшествовала моему очередному «приступу амнезии».

У окна мелькнул светящийся экран; Глеб поднес телефон к уху. Я представила номер из блокнота у своей постели — номер моего психотерапевта. Того, которого Глеб подобрал мне два года назад. Того, который говорил, что мои воспоминания о первой жене — это лишь побочный эффект терапии.

Машина рванула вперед, оставляя позади дом, где меня когда-то любили. Или использовали. Теперь это не имело значения. Марк Дорн всё ещё не сказал, куда везет меня. Я держала сумку на коленях и не выпускала ремень. Он видел, как я дрожу, но вместо обещаний смотрел в зеркало: не по-

вернула ли за нами машина Глеба.

У круглосуточного магазина Марк купил мне одежду взамен халата. Я переоделась в машине, надела куртку и переложила сверток в тубус. На банк настояла сама. Марк дал номер и уехал менять машину: доверять ему больше, чем сейфу, я пока не могла. Прижимала тубус под мышкой так, что жесткий край впивался в ребра, но боль была единственным доказательством реальности. Внутри тубуса из крафт-бумаги лежала правда, способная похоронить Глеба Орлова, а снаружи меня окружал белый мрамор «Альфа-Банка», пахнущий кондиционером и спокойствием людей, у которых есть будущее.

Я подошла к стойке администратора. Девушка с идеально ровной стрижкой боб улыбнулась мне дежурной улыбкой.

— Здравствуйте. Мне нужна индивидуальная банковская ячейка. Максимального размера. Для хранения произведения искусства.

— Разумеется, — она развернула планшет. — Заполните бланк. У вас есть провенанс? Сертификат подлинности от аккредитованного эксперта или декларация о доходах для подтверждения легальности предмета?

Я сглотнула ком в горле.

— Это семейная реликвия. Я частный коллекционер. Вот выписка со счета, где лежат средства от продажи старых работ. Я могу оплатить аренду за год вперед. Наличными или картой.

Администратор скользнула взглядом по бумагам. Ее улыбка не изменилась, но глаза стали холодными, как стекло витрины.

— Алиса Ветрова? Мы не можем принять предмет без полного пакета документов. Политика безопасности банка... Если это действительно старина, нам нужно убедиться, что он не находится в розыске. Или в залоге.

В залоге. У Глеба. Она знала? Или кто-то подсказал ей имя?

Глава 5

Прежде чем я успела ответить, рядом вырос мужчина в темно-синем костюме. Его локоть коснулся моего предплечья — легкий, собственнический жест.

— Добрый день, Алиса. Меня зовут Дмитрий, я ваш персональный менеджер VIP-сектора. Я вижу вашу проблему. Вы хотите избежать вопросов налоговой?

Он говорил мягко, бархатно, как тот голос, которым Глеб читал стихи перед сном, когда я еще верила в любовь.

— Давайте оформим картину на фонд «Орлов». Я сам подготовлю документы. Вам останется только поставить подпись. Это защитит вас от лишних проверок. И от... инцидентов.

Меня передернуло. Фонд «Орлов». То есть я должна была добровольно подарить улику против мужа тому самому мужу, который уже искал меня. Система не просто отказывала мне — она пыталась заглотить меня обратно в свою пасть, используя вежливость как крючок.

— Вы предлагаете мне отдать вещь, которую я пришла сохранить? — спросила я. Дмитрий не ответил, только придвинул бланк.

— Спасибо, но нет, — я резко отдернула руку, задев ногтями рукав его пиджака. — Я найду другой банк.

— Вы уверены? — Дмитрий не двинулся с места. Он пре-

градил путь к стеклянным дверям. За его спиной двое охранников в черных рубашках скучающе смотрели на мой тубус.

— Без подписи господина Орлова вы не сможете вывести деньги даже после продажи. А эта картина... она слишком заметна. Подумайте, Алиса. Где вам будет безопаснее, чем в стенах фонда?

Безопаснее. Слово, которое Глеб использовал, чтобы оправдать изоляцию. Я повернулась боком, прошмыгнув мимо Дмитрия, и вылетела на улицу. Холодный октябрьский ветер ударил в лицо, сбивая дыхание. Я побежала прочь, шаркая подошвами по мокрому асфальту. Каблуки хрустели, как кости.

Нужен был план Б. Марк Дорн. Я достала телефон, пальцы дрожали так сильно, что экран ловил ошибки касания. Набрала номер.

«Абонент недоступен».

Написала сообщение: «Картина у меня. Банк отказал. Нужна помощь».

Отправлено. Прочитано. Тишина.

Время шло. Солнце клонилось к закату, превращая лужи в зеркальные осколки. Я решилась на вокзал. Камеры хранения. Анонимно, быстро, дешево. Но стоило мне свернуть в переулок к Казанскому, как боковым зрением я поймала движение. Черный джип «Гелендваген», матовый, бесшумный, полз за мной по тротуару. Стекло опустилось на два сантиметра. Оттуда донесся запах дорогих сигарет и жен-

ский смех. Вероника Славская.

Сквозь приоткрытое боковое стекло я увидела её лицо. Она сидела на заднем сиденье, подпирая щеку рукой, и смотрела прямо на меня. Не с злобой. С любопытством хищника, наблюдающего за раненой птицей.

Паника ударила в виски колоколами. Я свернула в узкий двор пятиэтажки, где машины не могли проехать. Тубус мешал, цеплялся за ветки облезлых каштанов. Я бежала, задыхаясь, пока легкие не начало жечь огнем. Внедорожник остановился у въезда во двор. Дверь не открылась. Они ждали. Или следили.

Я забилась в подъезд первого попавшегося дома. Запах мочи, старой краски и сырости ударил в нос. Здесь было тепло. Темно. Безопасно? Нет. Просто скрытно.

Села на холодную ступеньку, прижав колени к груди. Телефон снова ожидал ответа. На этот раз я набрала Елену Сергеевну, мою бывшую преподавательницу по реставрации. Когда-то я несла ей любую сомнительную работу и доверяла её мнению больше собственного.

Гудки шли долго.

— Да? — голос был сонным, раздраженным.

— Елена Сергеевна, это Алиса. Мне нужна ваша помощь. Срочно. Я не могу объяснить по телефону, но у меня есть вещь, которая может спасти меня. Приезжайте. Пожалуйста.

Пауза. Тяжелая, вязкая тишина, в которой слышалось только мое учащенное сердцебиение.

— Алиса... Глеб звонил мне вчера. Поздно вечером. Он сказал, что у тебя случился срыв. Психоз. Ты потеряла рассудок и начала воровать вещи из дома. Он просил меня не вмешиваться, потому что ты сейчас агрессивна и нестабильна. Он отправил за тобой машину скорой помощи.

Меня будто окунули в ледяную воду.

— Он врёт! Елена Сергеевна, послушайте...

— Алиса, пожалуйста, не звони мне больше. Я не хочу быть частью твоих иллюзий. Возвращайся домой. Глеб простит тебя.

Клик. Отбой.

Я смотрела на потухший экран. Глеб опередил меня везде. Он стерилизовал пространство вокруг меня, вырезая все связи, которые могли бы дать мне опору. Я была не просто женой, которую бросают. Я была пациенткой, которую лечат от правды. Социальная смерть наступила раньше физической.

Нужны были деньги. Юрист. Адвокат по уголовным делам, который не испугается имени Орлова. Я вышла из подъезда, чувствуя, как ноги становятся ватными. До ближайшей станции метро было пять минут пешком. Там банкоматы.

Я стояла у аппарата, сунув карту зарплатного проекта в приемник. Экран моргнул красным.

«Ошибка. Счет заморожен по решению суда».

Другая карта. Дебетовая, накопительная.

«Счет заблокирован».

Кредитная. Последняя надежда.

«Истек срок действия. Обратитесь в банк».

Я медленно отступила назад, сползая по кафельной стене. Все мои артерии перебиты. Ни копейки на еду. Ни рубля на такси. Ни цента на адвоката. Я сидела у банкомата, голодная, с тубусом под мышкой. Выписка, которой я размахивала в банке, больше ничего не стоила. Даже на такси к адвокату пришлось бы просить.

— Вам плохо? Вы потерялись?

Голос был молодым, участливым. Я подняла голову. Передо мной стоял парень лет двадцати пяти, в сером худи. Он выглядел как студент, как случайный прохожий. Но его руки... они держались расслабленно, готовые к рывку.

— Мне не нужны проблемы, — прошептала я, пытаясь встать.

— Вы же Алиса Ветрова, да? Глеб Сергеевич беспокоится. Он просил передать, что машина уже едет. Он хочет помочь вам успокоиться.

Он шагнул ближе, протягивая руку к моему тубусу.

— Дайте я понесу. Вам тяжело.

Я вдохнула. От него пахло парфюмом, который Глеб выбрал три года назад, когда мы переехали в эту квартиру. Tom Ford Noir Extreme. Запах власти. Запах ловушки. На запястье парня, там, где рукав худи чуть задрался, мелькнула татуировка. Маленький геометричный знак. Логотип службы безопасности «Шилд», которую нанимали элитные чи-

новники.

Это не помощь. Это захват.

Инстинкт кричал громче разума. Я ударила его кулаком в челюсть. Не сильно, но точно. Хруст костей отдавался в моем плече. Парень пошатнулся, выругавшись сквозь зубы.

Я схватила тубус и бросилась вниз по лестнице метро, перепрыгивая через две ступеньки. Толпа пассажиров гудела, как улей. Я нырнула в поток тел, используя хаос как щит. Чувствовала, как кто-то пытается схватить меня за куртку, но я выскользнула, потеряв пуговицу.

Вагон тронулся. Я упала на пластиковое сиденье, задыхаясь. Руки тряслись так, что телефон вывалился из них и укатился под ноги незнакомой бабушке.

— Простите, — прошептала я, но не смогла поднять его. Энергия исчерпана. Осталась только паника.

Свет в вагоне мигнул. Резко, прерывисто.

На полу завибрировал телефон. Бабушка подцепила его носком и придвинула ко мне; я подняла аппарат. Сообщение от Марка Дорна.

«Не открывай банковские ячейки. Он ждал этого. Иди в точку Б».

Точка Б. Какая точка Б? Я не знала никаких точек. Я знала только, что меня ищут.

Я подняла глаза. Стекло окна напротив меня было темным зеркалом тоннеля. В отражении я увидела себя. Растрепанную, бледную, с пятнами грязи на щеках.

И за моим плечом... силуэт. Человек в маске. Высокий, статичный.

Свет фар встречного поезда вспыхнул на секунду, озарив интерьер вагона.

Я моргнула.

Манекены. Рядом со мной сидели манекены. В пальто, в шапках, с пустыми глазами. Люди исчезли. Остались только пластмассовые фигуры, глядящие на меня.

Я посмотрела на свои руки. Они были чистыми. Никаких следов краски, никакого тубуса под мышкой. Только пустые ладони.

«Ты больна», — шептал голос Глеба в голове. «Ты галлюцинируешь. Тебя лечат».

Сердце пропустило удар. Может, картины нет? Может, я всё придумала? Может, я действительно сошла с ума, и этот кошмар — лишь побочный эффект препаратов, которые он подмешивал мне в чай последние полгода?

Боль. Нужна боль.

Я впилась ногтями в ладонь до крови. Резкая, живая боль пронзила нервы, возвращая меня в тело. Я чувствовала вкус металла во рту. Чувствовала холод пластика сиденья. Чувствовала тяжесть тубуса на коленях. Картина была здесь. Она была реальна.

— Я здесь, — прошептала я себе, сжимая зубы так, что скулы заныли. — Я живая. Это моя месть. Я не сумасшедшая. Я жертва.

Вагон качнулся, въезжая на станцию. Свет начал стабилизироваться. Манекены растворились в обычном свете ламп дневного освещения.

Сквозь открывшиеся двери я увидела на платформе Марка Дорна.

Он не один. По обе стороны от него стояли двое мужчин в костюмах Глеба. Один из них держал телефон и сверял экран с моим лицом.

Марк смотрел прямо на меня. Его лицо было непроницаемым камнем. Ни тревоги, ни сострадания. Только расчет.

Он сделал шаг навстречу, но не протянул руку. Он просто стоял, блокируя выход, разделяя пространство между мной и спасением. Или между мной и новой клеткой.

Он нашел меня. Вопрос был лишь в том, кто он сейчас: спасатель или новый хозяин?

Глава 6

Марк оттеснил мужчин у дверей вагона, вывел меня из метро и отвез к Лилии. Три дня я почти не выходила из её квартиры. Запах чужого парфюма ударил в нос раньше, чем я успела моргнуть. Лилия только начала рассказывать про новый сериал, как входная дверь её квартиры на Тверской вздрогнула от удара. Не стук — именно глухой, деревянный лязг тарана. Второй удар выбил из петель верхний замок. Третий превратил дверь в щепки у порога.

— Полиция! Открыть! — рык разорвал тишину гостиной, где на столе еще дымился чай.

Я замерла с кружкой в руках, чувствуя, как костяшки пальцев белеют от напряжения. Сердце пропустило удар, потом забилось где-то в горле, сбивая дыхание. Это не сон. Это Глеб. Он добрался до меня даже здесь, в этом крохотном оазисе безопасности, который Лилия построила для меня за три дня до этого.

Скрипнули половицы. В дверном проеме возникли фигуры в форме. Их было четверо, плюс следователь в дорогом, но мятом костюме. Он держал планшет так, будто это был скипетр власти.

— Алиса Ветрова? — спросил он, даже не взглянув на меня. Его глаза скользнули по Лилии, которая стояла посреди комнаты в своем халате с лебедем, и губы его скриви-

лись в презрительной усмешке. — Вы обвиняетесь в краже культурных ценностей из частной коллекции депутата Орлова. Предметы искусства стоимостью свыше пяти миллионов рублей. Прошу проследовать к выходу.

Лилия всхлипнула, пытаясь шагнуть ко мне, но один из оперативников мягко, но непреклонно оттолкнул её плечом назад.

— Я требую ордер! — голос сорвался, стал тонким, чужим. Я шагнула вперед, расставив руки, блокируя проход к угловому шкафу, где под одеялами лежал холст. Мой мир тишины и порядка трещал по швам. Мне нужно было время. Нужно было объяснить.

Следователь не ответил. Он просто сделал знак рукой. Оперативник слева схватил меня за запястье. Грубо. Без предупреждения. Я попыталась вырваться, инстинктивно напрягая мышцы предплечья, но второй мужчина перехватил мою вторую руку, заламывая её за спину. Боль вспыхнула белым пятном перед глазами. Косточки хрустнули. Я не знала, целы ли кости; боль была горячей, пульсирующей, живой.

— Не дергайся, женщина, — прошипел оперативник мне в ухо, пахнущий дешевым табаком и потом. — Сломать могу. А тебе это надо?

Меня рванули вперед. Каблуки соскользнули с гладкого ламината, и я полетела вниз, на колени. Колени ударились об пол так, что я услышала собственный сдавленный крик. Меня отпустили на миг, и ладони коснулись холодного ка-

феля коридора. Запястье ныло тупой, тягучей болью, отдавая в локоть. Я смотрела вверх, на перевернутый мир: потолочные лампы, лица полицейских, выражающие скуку и раздражение. И лицо Лилии, искаженное ужасом.

— Алиса! Что они делают?! — она кинулась ко мне, но её остановили рукой.

Следователь подошел ближе. Он достал телефон и открыл видеозапись, показывая мне экран. На видео был Глеб. Он сидел в своем кабинете, освещенном теплым светом настольной лампы, и плакал. Настоящими, крупными слезами, которые стекали по холеным щекам. Он прижимал платок к глазам, его голос дрожал от «горечи предательства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.